

**Автопортрет.
В 1837 году, на
Кавказе, в
ссылке.
На поэте
мундир
Нижегородског
о драгунского
полка
(красный
воротник,
эполеты,
газыри, бурка
на плече и
шашка).**

Герб рода Лермонтов. Зарегистрирован в 1798 году

Юрий Петрович Лермонтов

Мария Михайловна Лермонтова

Арсеньева Елизавета

Алексеевна

Художник Леонид Непомнящий
Иллюстрации к поэмам
М. Ю. ЛЕРМОНТОВА

- «Песня про царя Ивана Васильевича, молодого опричника и удалого купца Калашникова»
 - «Демон»
 - «Мцыри»

Вдоль по улице одинешенька.
И слышалось мне, будто снег хрустит;
Оглянулась — человек бежит.
Мои ноженьки подкосились,
Шелковой фатой я закрылася.
И он сильно схватил меня за руки,
И сказал мне так тихим шепотом:
„Что пугаешься, красная красавица?
Я не вор какой, душегуб лесной,
Я слуга царя, царя грозного.
Прозываюся Кирибеевичем,
А из славной семьи из Малютиной...“
Испугалась я пуще прежнего;
Закружилась моя бедная головушка.
И он стал меня целовать-ласкать,
И цалуя все приговаривал:
„Отвечай мне, чего тебе надобно,
Моя милая, драгоценная!
Хочешь золота али жемчугу?
Хочешь ярких камней аль цветной парчи?
Как царицу я наряжу тебя,
Станут все тебе завидовать,

Лишь не дай мне умереть смертью грешною:
Полюби меня, обними меня

5. И сказал ему Кирибеевич:
«А поведай мне, добрый молодец,
Ты какого роду, племени,
Каким именем прозываешься?
Чтобы знать, по ком панихиду служить,
Чтобы было чем и похвастаться».

Отвечает Степан Парамонович:
«А зовут меня Степаном Калашниковым
А родился я от честного отца,
И жил я по закону господнему:
Не позорил я чужой жены,
Не разбойничал ночью темною,
Не таился от свету небесного...
И промолвил ты правду истинную:
По одном из нас будут панихиду петь,
И не позже, как завтра в час полуденны
И один из нас будет хвастаться,
С удалыми друзьями пируючи...
Не шутку шутить, не людей смешить
К тебе вышел я теперь, бусурманский сын,
Вышел я на страшный бой, на последний бой!»

6. Как на площади народ собирается,
Заунывный гудит-воет колокол,
Разглашает всюду весть недобрую.
По высокому месту лобному,
Во рубахе красной с яркой запонкой,
С большим топором наостренным,
Руки голые потираючи,
Палач весело похаживает,
Удалова бойца дожидается,
А лихой боец, молодой купец,
Со родными братьями прощается:
«Уж вы, братцы мои, други кровные,
Поцалуемтесь да обнимемтесь
На последнее расставание.
Поклонитесь от меня Алене
Дмитриевне,
Закажите ей меньше печалиться,
Про меня моим детушкам не
сказывать.
Поклонитесь дому родительскому,
Поклонитесь всем нашим
товарищам,
Помолитесь сами в церкви божией
Вы за душу мою, душу грешную!»

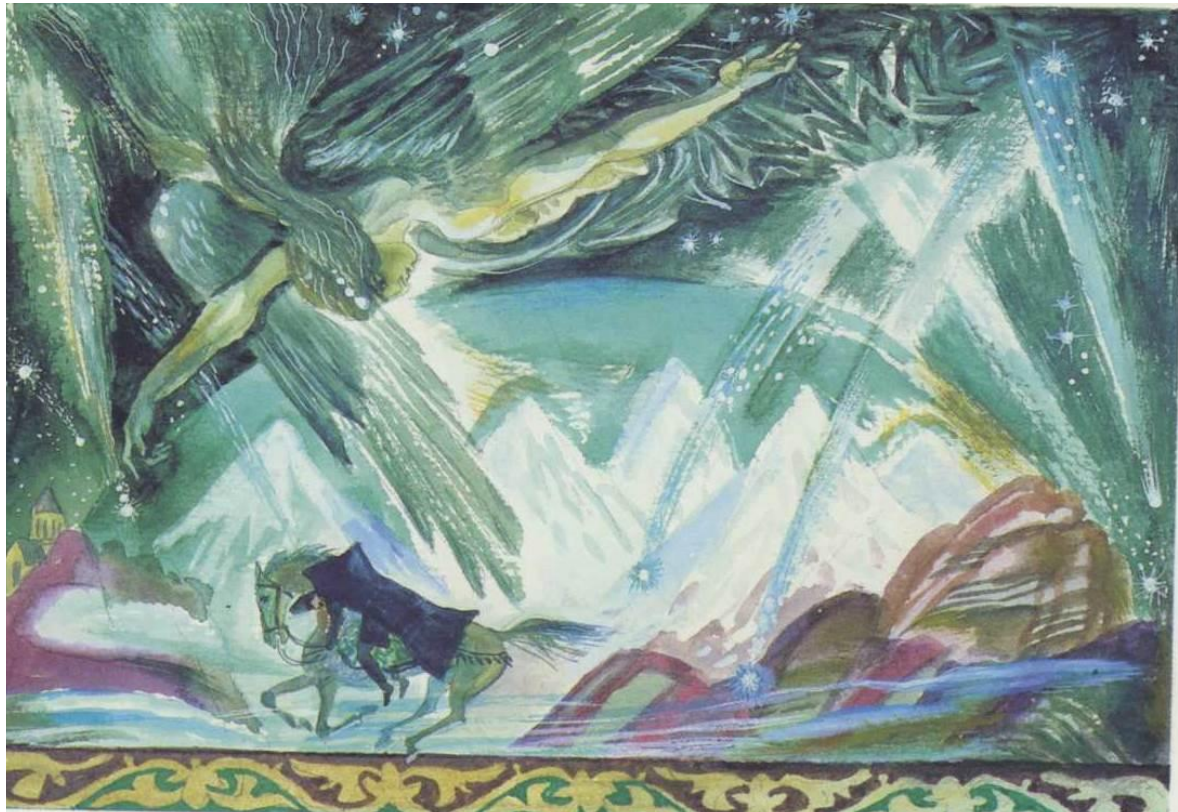

«Демон»

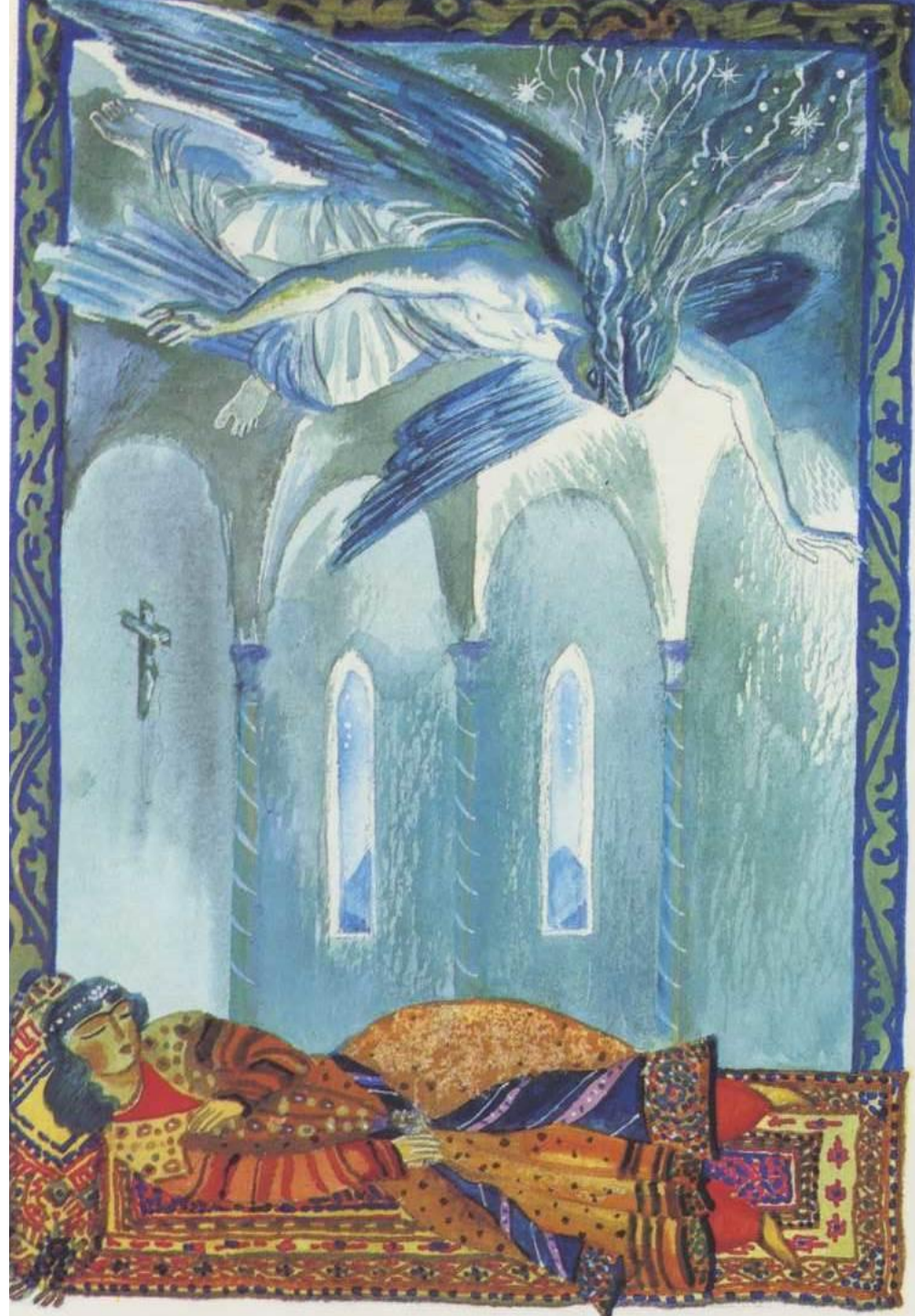
Глядел с утеса мрачный дом;
Но пир большой сегодня в нем —
Звучит зурна, и льются вины —
Гудал сосватал дочь свою,
На пир он созвал всю семью.
На кровле, устланной коврами,
Сидит невеста меж подруг:
Средь игр и песен их досуг
Проходит. Дальними горами
Уж спрятан солнца полукруг;
В ладони мерно ударяя,
Они поют — и бубен свой
Берет невеста молодая.
И вот она, одной рукой
Кружа его над головой,
То вдруг помчится легче птицы,
То остановится, — глядит —
И влажный взор ее блестит
Из-под завистливой ресницы;
То черной бровью поведет,
То вдруг наклонится немножко,
И по ковру скользит, плывет
Ее божественная ножка;
И улыбается она,
Веселья детского полна.
Но луч луны, по влаге зыбкой
Слегка играющий порой,
Едва ль сравнится с той улыбкой,
Как жизнь — как молодость живой

12. Несется конь быстрее лани,
Храпит и рвется, будто к брани;
То вдруг осадит на скаку,
Прислушается к ветерку,
Широко ноздри раздувая;
То, разом в землю ударяя
Шипами звонкими копыт,
Взмахнув растрепанною гривой,
Вперед без памяти летит.
На нем есть всадник
молчаливый!
Он бьется на седле порой,
Припав на гриву головой.
Уж он не правит поводками,
Задвинул ноги в стремяна,
И кровь широкими струями
На чепраке его видна.
Скакун лихой, ты господина
Из боя вынес, как стрела,
Но злая пуля осетина
Его во мраке догнала!

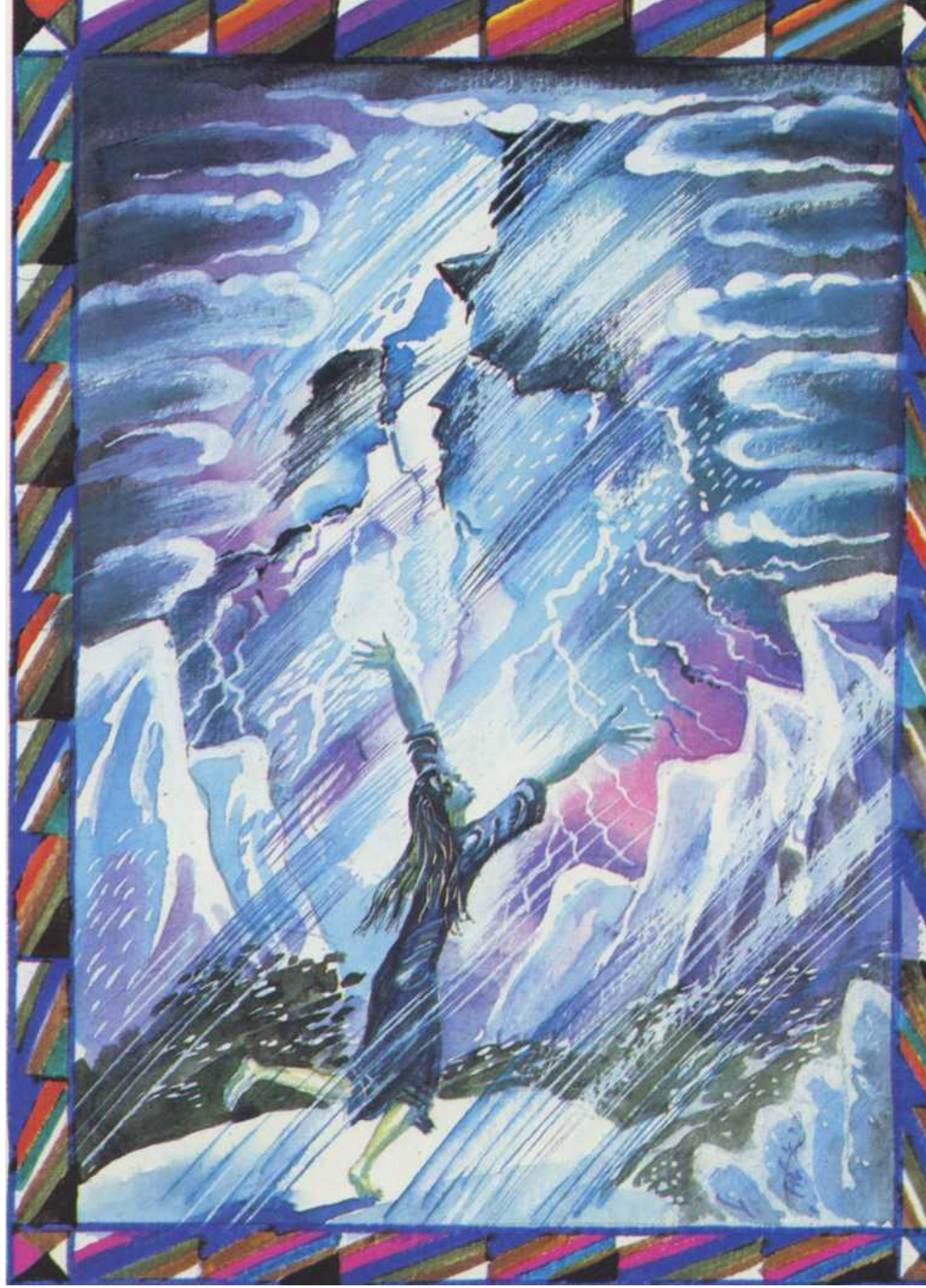
13. На беззаботную семью,
Как гром, слетела божья кара!
Упала на постель свою,
Рыдает бедная Тамара;
Слеза катится за слезой,
Грудь высоко и трудно дышит;
И вот она как будто слышит
Волшебный голос над собой:
«Не плачь, дитя! не плачь напрасно!
Твоя слеза на труп безгласный
Живой росой не упадет:
Она лишь взор туманит ясный,
Ланиты девственные жжет!
Он далеко, он не узнает,
Не оценит тоски твоей;
Небесный свет теперь ласкает
Бесплотный взор его очей;
Он слышит райские напевы...
Что жизни мелочные сны,
И стон, и слезы бедной девы
Для гостя райской стороны?
Нет, жребий смертного творенья,
Поверь мне, ангел мой земной,
Не стоит одного мгновенья
Твоей печали дорогой!»

«Мцыри»

И в час ночной, ужасный час,
Когда гроза пугала вас,
Когда, столпясь при алтаре,
Вы ниц лежали на земле,
Я убежал. О, я как брат
Обняться с бурей был бы рад!
Глазами тучи я следил,
Рукою молнию ловил...
Скажи мне, что средь этих стен
Могли бы дать вы мне взамен
Той дружбы краткой, но живой,
Меж бурным сердцем и грозой?..

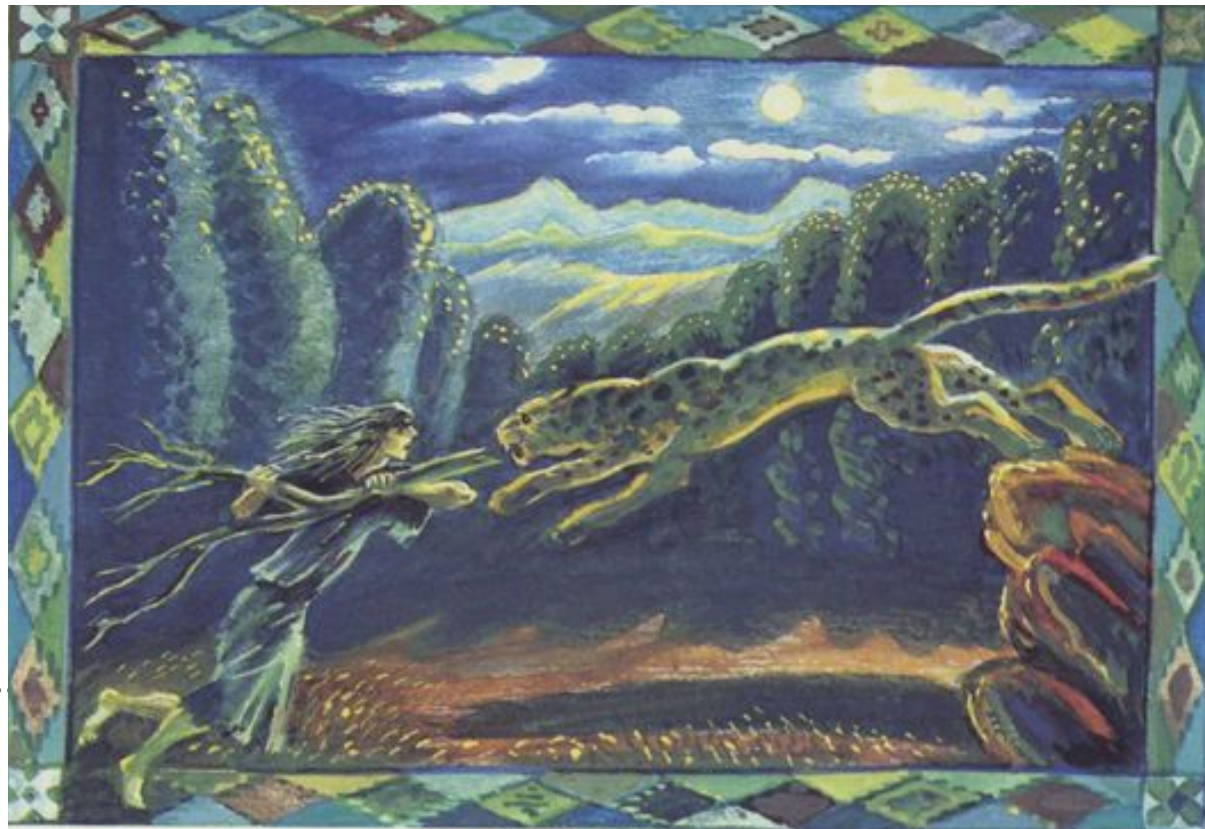
Бежал я долго — где, куда,
Не знаю! ни одна звезда
Не озаряла трудный путь.
Мне было весело вдохнуть
В мою измученную грудь
Ночную свежесть тех лесов,
И только. Много я часов
Бежал, и наконец, устав,
Прилег между высоких трав;
Прислушался: погони нет.
Гроза утихла. Бледный свет
Тянулся длинной полосой
Меж темным небом и землей.

15. Держа кувшин над головой,
Грузинка узкою тропой
Сходила к берегу. Порой
Она скользила меж камней,
Смеясь неловкости своей.
И беден был ее наряд:
И шла она легко, назад
Изгибы длинные чадры
Откинув. Летние жары
Покрыли тенью золотой
Лицо и грудь ее; и зной
Дышал от уст ее и щек.
И мрак очей был так глубок,
Так полон тайнами любви,
Что думы пылкие мои
Смутились. Помню только я
Кувшина звон, — когда струя
Вливалась медленно в него,
И шорох... больше ничего.
Когда же я очнулся вновь
И отлила от сердца кровь,
Она была уж далеко;
И шла хоть тише, — но легко,
Стройна под ношею своей,
Как тополь, царь ее полей!

И там два раза повернуть
Мое оружие... Он завыл.
Рванулся из последних сил,
И мы, сплетясь, как пара змей,
Обнявшись крепче двух друзей,
Упали разом, и во мгле
Бой продолжался на земле.
И я был страшен в этот миг;
Как барс пустынный, зол и дик,
Я пламенел, визжал, как он;
Как будто сам я был рожден
В семействе барсов и волков
Под свежим пологом лесов.
Казалось, что слова людей
Забыл я — и в груди моей
Родился тот ужасный крик,
Как будто с детства мой язык
К иному звуку не привык...
Но враг мой стал изнемогать,
Метаться, медленней дышать,
Сдавил меня в последний раз..

Зрачки его недвижных глаз
Блеснули грозно — и потом
Закрылись тихо вечным сном;

М. Ю. Лермонтов
**«Герой нашего
времени»**

Для того чтобы осудить эгоизм и черствость Печорина, достаточно было бы первых двух глав, для того чтобы понять этого героя, понадобился весь роман.

Д.А. Шмаринов

**Печорин
на
диване.**

1941

1. Опустясь с Вознесенского моста и собираясь поворотить направо по канаве, вдруг слышит он крик: «Берегись, поди!..» Прямо на него летел гнедой рысак; из-за кучера мелькал белый султан и развевался воротник серой шинели. Едва он успел поднять глаза, уж одна оглобля была против его груди, и пар, вылетавший клубами из ноздрей бегуна, обдал его лицо; машинально он ухватился руками за оглоблю и в тот же миг сильным порывом лошади был отброшен несколько шагов в сторону на тротуар... раздалось кругом: «Задавил, задавил» — извозчики погнались за нарушителем порядка, но белый султан только мелькнул у них перед глазами и был таков.

«Княгиня Лиговская»

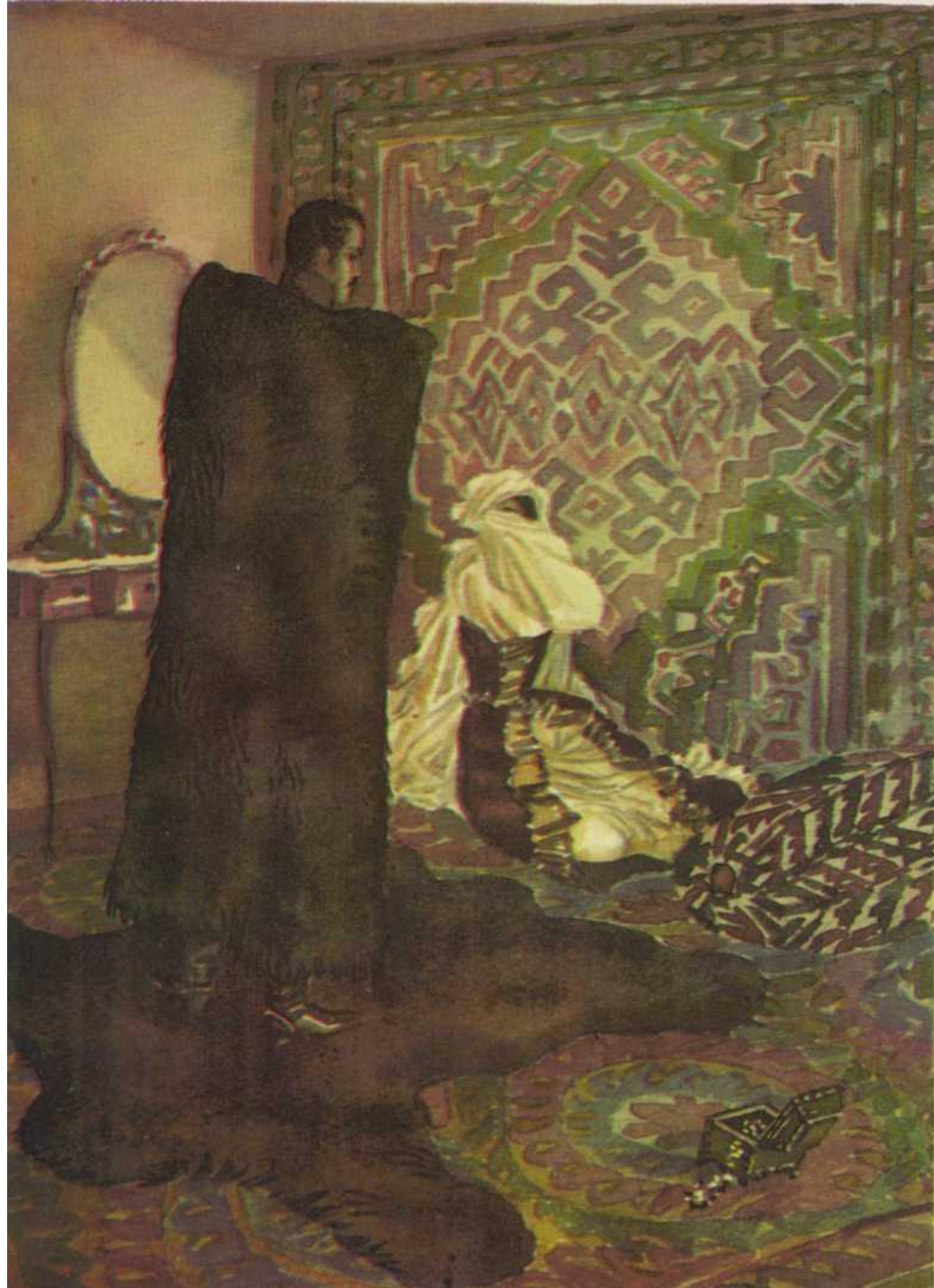
княгиня Лиговская и за нею князь Степан Степаныч. Она была одета со вкусом, только строгие законодатели моды могли бы заметить с важностью, что на ней было слишком много бриллиантов. Она медленно подвигалась сквозь толпу, небрежно раздавную перед нею. Ни одно приветствие не удерживало ее на пути, и сто любопытных глаз, озиравших с головы до ног незнакомую красавицу, вызвали краску на нежные щеки ее, глаза покрылись какою-то электрической влагой, грудь неровно подымалась, и можно было догадаться по выражению лица, что настала минута для нее мучительная.

«Княгиня Лиговская»

подарки подействовали только вполонину; она стала ласковее, доверчивее — да и только; так что он решился на последнее средство. Раз утром он велел оседлать лошадь, оделся по-черкесски, вооружился и вошел к ней. «Бэла! — сказал он,— ты знаешь, как я тебя люблю. Я решился тебя увезти, думая, что ты, когда узнаешь меня, полюбишь; я ошибся: прощай! оставайся полной хозяйкой всего, что я имею; если хочешь, вернись к отцу,— ты свободна. Я виноват перед тобой и должен наказать себя; прощай, я еду — куда? почему я знаю! Авось недолго буду гоняться за пулей или ударом шашки: тогда вспомни обо мне и прости меня».— Он отвернулся и протянул ей руку на прощанье.

«Бэла»

В.А. Серов.

Бэла.

1891

4. Я стал ее уговаривать.

— Послушай, Бэла, ведь нельзя же ему век сидеть здесь, как пришитому к твоей юбке: он человек молодой, любит погоняться за дичью,— походит, да и придет; а если ты будешь грустить, то скорей ему наскучишь.

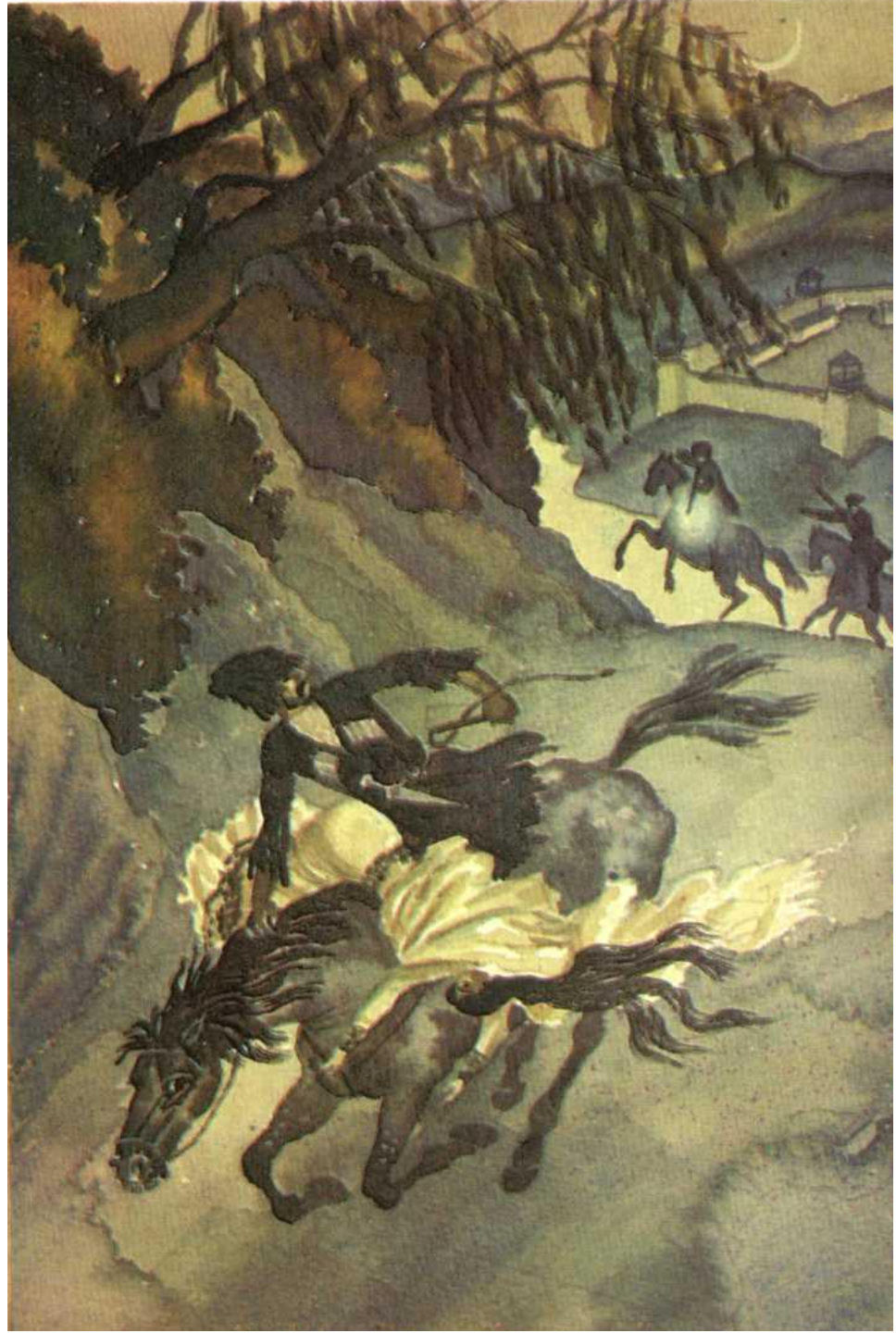
— Правда, правда!— отвечала она,— я буду весела.— И с хохотом схватила свой бубен, начала петь, плясать и прыгать около меня; только и это не было продолжительно; она опять упала на постель и закрыла лицо руками.

«Бэла»

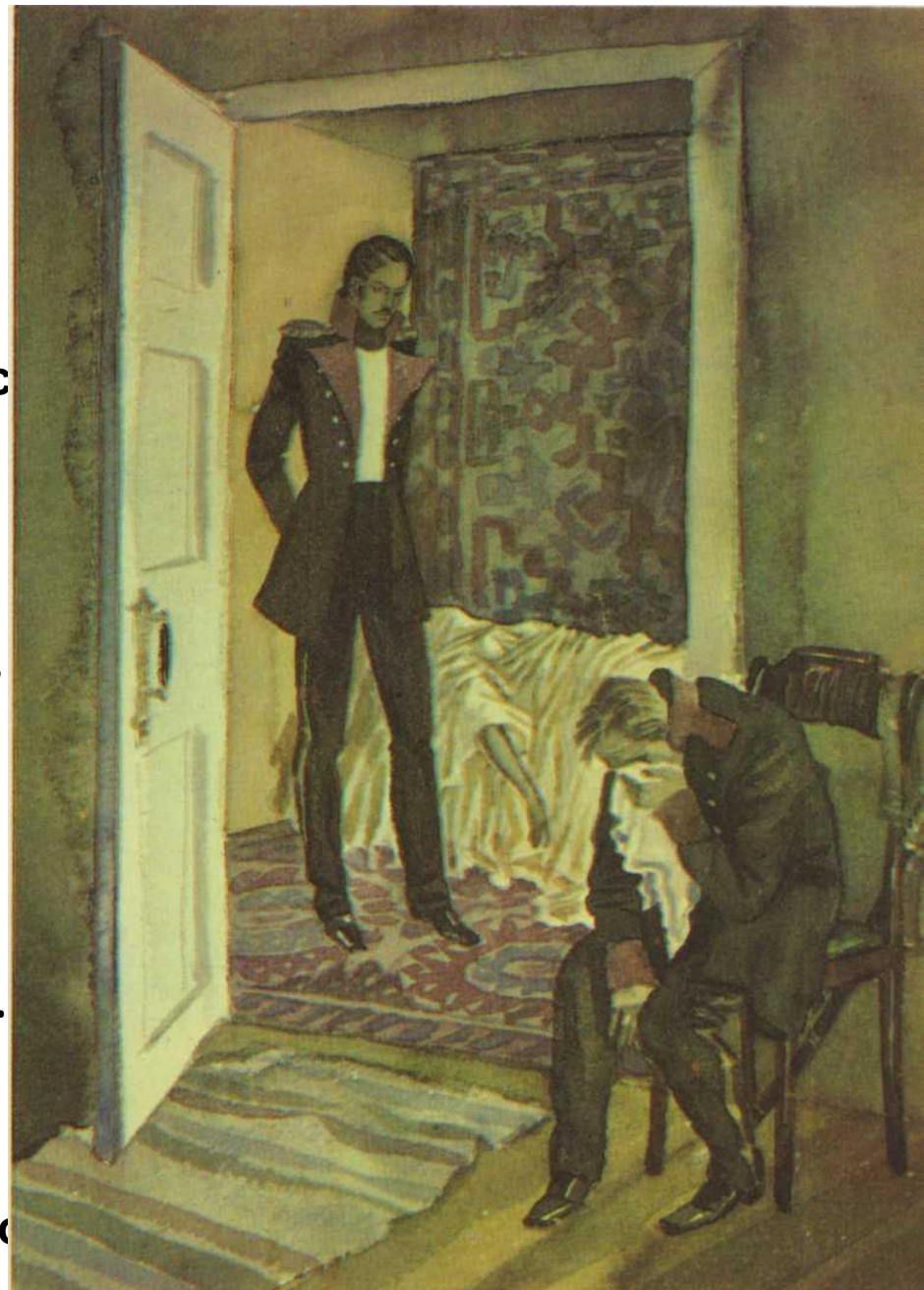
5. К счастью, по причине неудачной охоты, наши кони не были измучены: они рвались из-под седла, и с каждым мгновением мы были все ближе и ближе... И, наконец, я узнал Казбича, только не мог разобрать, что такое он держал перед собою. Я тогда поравнялся с Печориным и кричу ему: «Это Казбич!..» Он посмотрел на меня, кивнул головою и ударил коня плетью. Вот наконец мы были уж от него на ружейный выстрел; измучена ли была у Казбича лошадь, или хуже наших, только, несмотря на все его старания, она не больно подавалась вперед. Я думаю, в эту минуту он вспомнил своего Карагёза...

«Бэла»

жаждой. Мы отворили окна — но на дворе было жарче, чем в комнате; поставили льду около кровати — ничего не помогало. Я знал, что эта невыносимая жажда — признак приближения конца, и сказал это Печорину. «Воды, воды!..» — говорила она хриплым голосом, приподнявшись с постели.

Он сделался бледен, как полотно, схватил стакан, налил и подал ей. Я закрыл глаза руками и стал читать молитву, не помню какую... Да, батюшка, видал я много, как люди умирают в гошпиталях и на поле сражения, только это все не то, совсем не то!.. Еще, признаться, меня вот что печалит: она перед смертью ни разу не вспомнила обо мне; а, кажется, я ее любил как отец.. Ну, да бог ее простит!.. И вправду молвить: что ж я такое, чтоб обо мне вспомнить перед смертью?.. Только что она испила воды, как ей стало легче, а минуты через три она скончалась.

забора на камень поглядывая вдаль;
предо мной тянулось ночью бурю
взволнованное море, и
однообразный шум его, подобный
ропоту засыпающего города,
напомнил мне старые годы, перенес
мои мысли на север, в нашу
холодную столицу. Волнуемый
воспоминаниями, я забылся Так
прошло около часа, может быть и
более. Вдруг что-то похожее на
песню поразило мой слух. Точно, это
была песня, и женский, свежий
голосок, но откуда? Прислушиваюсь
— напев странный, то протяжный и
печальный то быстрый и живой.
Оглядываюсь — никого нет кругом;
прислушиваюсь снова — звуки как
будто падают с неба. Я поднял глаза:
на крыше хаты моей стояла девушка
в полосатом платье, с
распущенными косами настоящая
русалка. Защитив глаза ладонью от
лучей солнца, она пристально
всматривалась вдаль, то смеялась и
разсуждала сама с собой до заката

Л.Е. Фейнберг.

**Девушка-
контрабандистка
и слепой
мальчик.**

8. Лодка закачалась, но я справился, и между нами началась отчаянная борьба; бешенство придавало мне силы, но я скоро заметил, что уступаю моему противнику в ловкости... «Чего ты хочешь?»—закричал я, крепко сжав ее маленькие руки; пальцы ее хрустели, но она не вскрикнула: ее змеиная натура выдержала эту пытку. «Ты видел,— отвечала она,— ты донесешь!» — и сверхъестественным усилием повалила меня на борт; мы оба по пояс свесились из лодки; ее волосы касались воды; минута была решительная.

«Тамань»

молоденькая, стройная. Их лиц за шляпками я не разглядел, но они одеты были по строгим правилам лучшего вкуса: ничего лишнего. На второй было закрытое платье *gris de perles*¹, легкая шелковая косынка вилась вокруг ее гибкой шеи. Ботинки *couleur ruse*² стягивали у щиколотки ее сухощавую ножку так мило, что даже не посвященный в таинства красоты непременно бы ахнул, хотя от удивления. Ее легкая, но благородная походка имела в себе что-то девственное, ускользающее от определения, но понятное взору. Когда она прошла мимо нас, от нее повеяло тем неизъяснимым ароматом, которым дышит иногда записка милой женщины.

— Вот княгиня Лиговская,—сказал Грушницкий,— и с нею дочь ее Мери, как она ее называет на английский манер. Они здесь только три дня.

¹ Серо-жемчужного цвета (франц.)

² Красновато-бурого цвета (франц.)
«Княжна Мери»

**М. Врубель. Княжна Мери и Грушницкий. 1890.
Д. Шмаринов. Княжна Мери и Грушницкий. 1941**

10. Размышляя таким образом, я подошел к самому гроту. Смотрю: в прохладной тени его свода, на каменной скамье сидит женщина, в соломенной шляпке, окутанная черной шалью, опустив голову на грудь; шляпка закрывала ее лицо. Я хотел уже вернуться, чтоб не нарушить ее мечтаний, когда она на меня взглянула.

— Вера!—вскрикнул я невольно. Она вздрогнула и побледнела.

— Я знала, что вы здесь,— сказала она. Я сел возле нее и взял ее за руку. Давно забытый трепет пробежал по моим жилам при звуке этого милого голоса; она посмотрела мне в глаза своими глубокими и спокойными глазами: в них выражалась недоверчивость и что-то похожее на упрек.

«Княжна Мери»

Э.М. Андриолли.

Вера в гроте.

1879

11. Ей стало лучше; она хотела освободиться от моей руки, но я еще крепче обвил ее нежный, мягкий стан; моя щека почти касалась ее щеки; от нее веяло пламенем.

— Что вы со мною делаете?..
Боже мой!..
Я не обращал внимания на ее трепет и смущение, и губы мои коснулись ее нежной щечки; она вздрогнула, но ничего не сказала; мы ехали сзади: никто не видал.

«Княжна Мери»

— Вы больны? — сказала она, пристально посмотрев на меня.

— Я не спал ночь.

— И я также... я вас обвиняла... может быть на прасно? Но объяснитесь, я могу вам простить все...

— Все ли?

— Все... только говорите правду... только скорее...

Видите ли, я много думала, стараясь объяснить, оправдать ваше поведение; может быть, вы боитесь препятствия со стороны моих родных... это ничего; когда они узнают... (ее голос задрожал) я их упрошу. Или ваше собственное положение... но знайте, что я всем могу пожертвовать для того, которого люблю... О, отвечайте скорее, сжальтесь... Вы меня не презираете, не правда ли?

Она схватила меня за руку.

Княгиня шла впереди нас с мужем Веры и ничего не видала; но нас могли видеть гуляющие больные, самые любопытные сплетники из всех любопытных, и я быстро освободил свою руку от ее страстного пожатия.

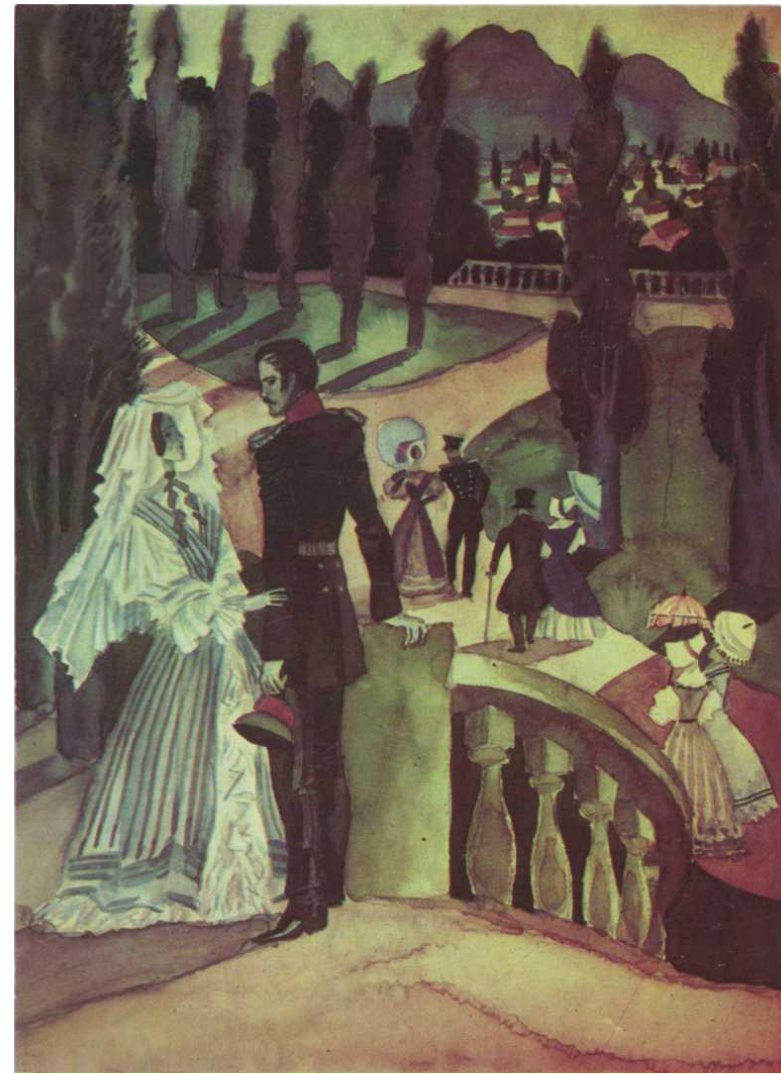
— Я вам скажу всю истину, — отвечал я княжне — не буду оправдываться, ни объяснять своих поступков; я вас не люблю.

Ее губы слегка побледнели...

— Оставьте меня, — сказала она едва внятно.

Я пожал плечами, повернулся и ушел.

«Княжна

В.А. Серов. Объяснение Печорина с Мери.

1891

Вы не верите?— продолжал он,— даю вам честное, благородное слово, что все это сущая правда, и в доказательство я вам, пожалуй, назову этого господина.

— Скажи, скажи, кто ж он!—раздалось со всех сторон.

— Печорин,— отвечал Грушницкий.

В эту минуту он поднял глаза — я стоял в дверях против него; он ужасно покраснел. Я подошел к нему и сказал медленно и внятно:

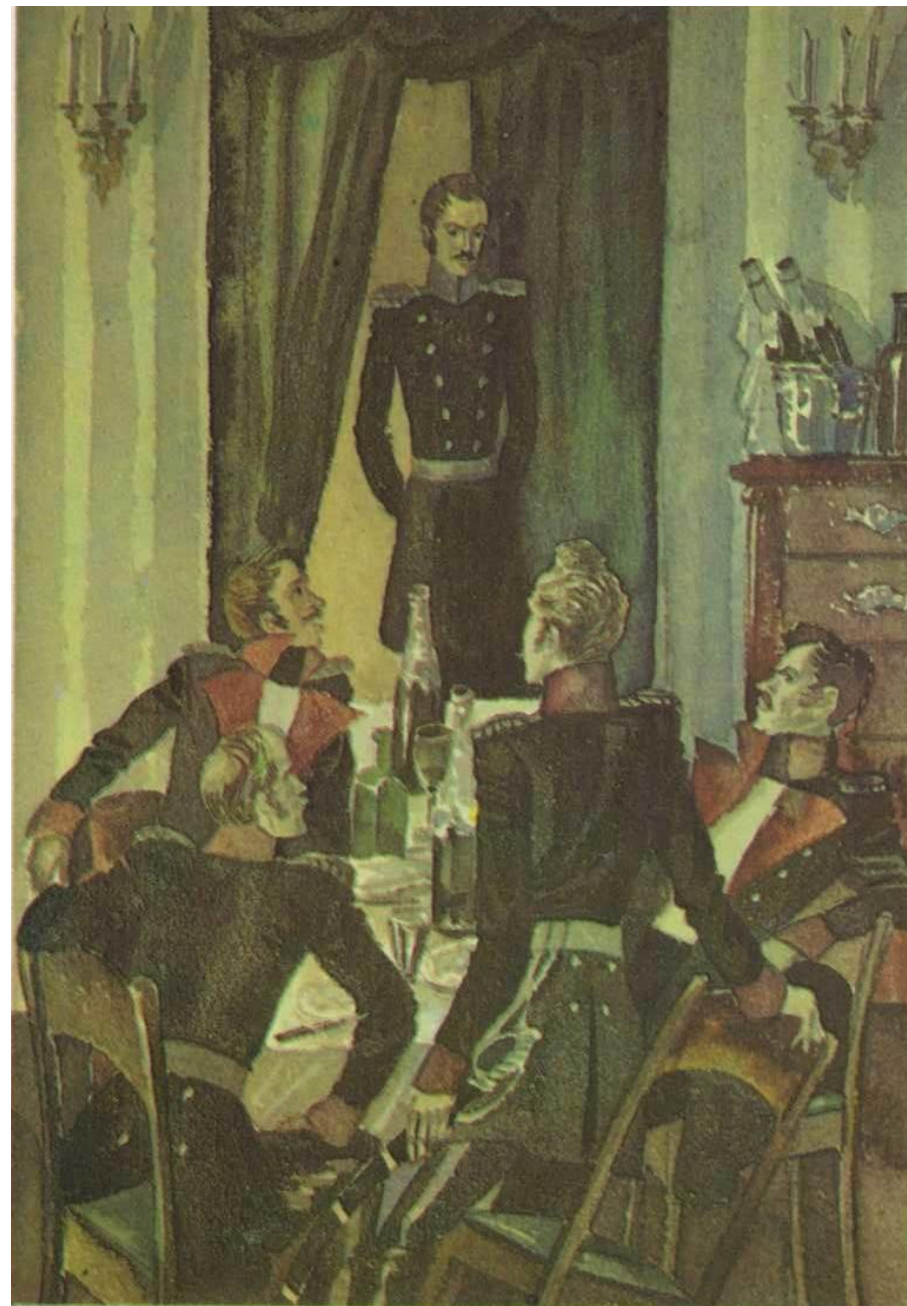
— Мне очень жаль, что я взошел после того, как вы уже дали честное слово в подтверждение самой отвратительной клеветы. Мое присутствие избавило бы вас от лишней подлости.

Грушницкий вскочил с своего места и хотел разгорячиться.

— Прошу вас,— продолжал я тем же тоном,— прошу вас сейчас же отказаться от ваших слов; вы очень хорошо знаете, что это выдумка. Я не думаю, чтоб равнодушие женщины к вашим блестящим достоинствам заслуживало такое ужасное мщение. Подумай те хорошенько: поддерживая ваше мнение, вы теряете право на имя благородного человека и рискуете жизнью.

«Княжна

Мери»

14. Пробегаю в памяти все мое прошедшее и спрашиваю себя невольно: зачем я жил? для какой цели я родился?.. А, верно, она существовала, и, верно, было мне назначение высокое, потому что я чувствую в душе моей силы необъятные... Но я не угадал этого назначения, я увлекся приманками страстей пустых и неблагодарных; из горнила их я вышел тверд и холоден как железо, но утратил навеки пыл благородных стремлений—лучший цвет жизни.

«Княжна Мери»

15. Я выстрелил...
Когда дым рассеялся,
Грушницкого на площадке не
было. Только прах легким
столбом еще вился на краю
обрыва. Все в один голос
вскрикнули.

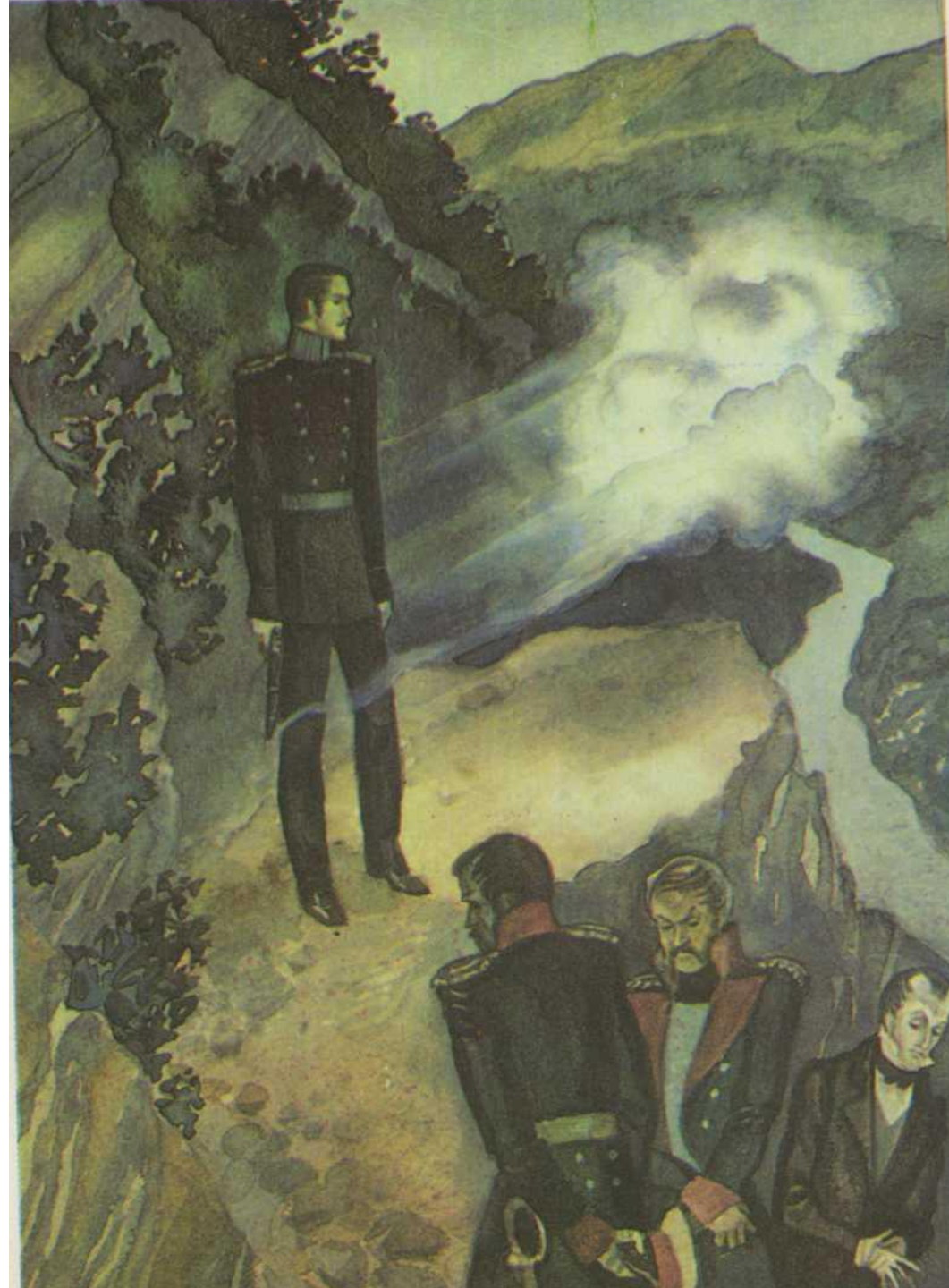
— *Finita la comedia!*¹ — сказал я
доктору.

Он не отвечал и с ужасом
отвернулся.

¹« Комедия окончена (*итал.*)

«Княжна

Мери»

**Дуэль Печорина
с
Грушницким.**

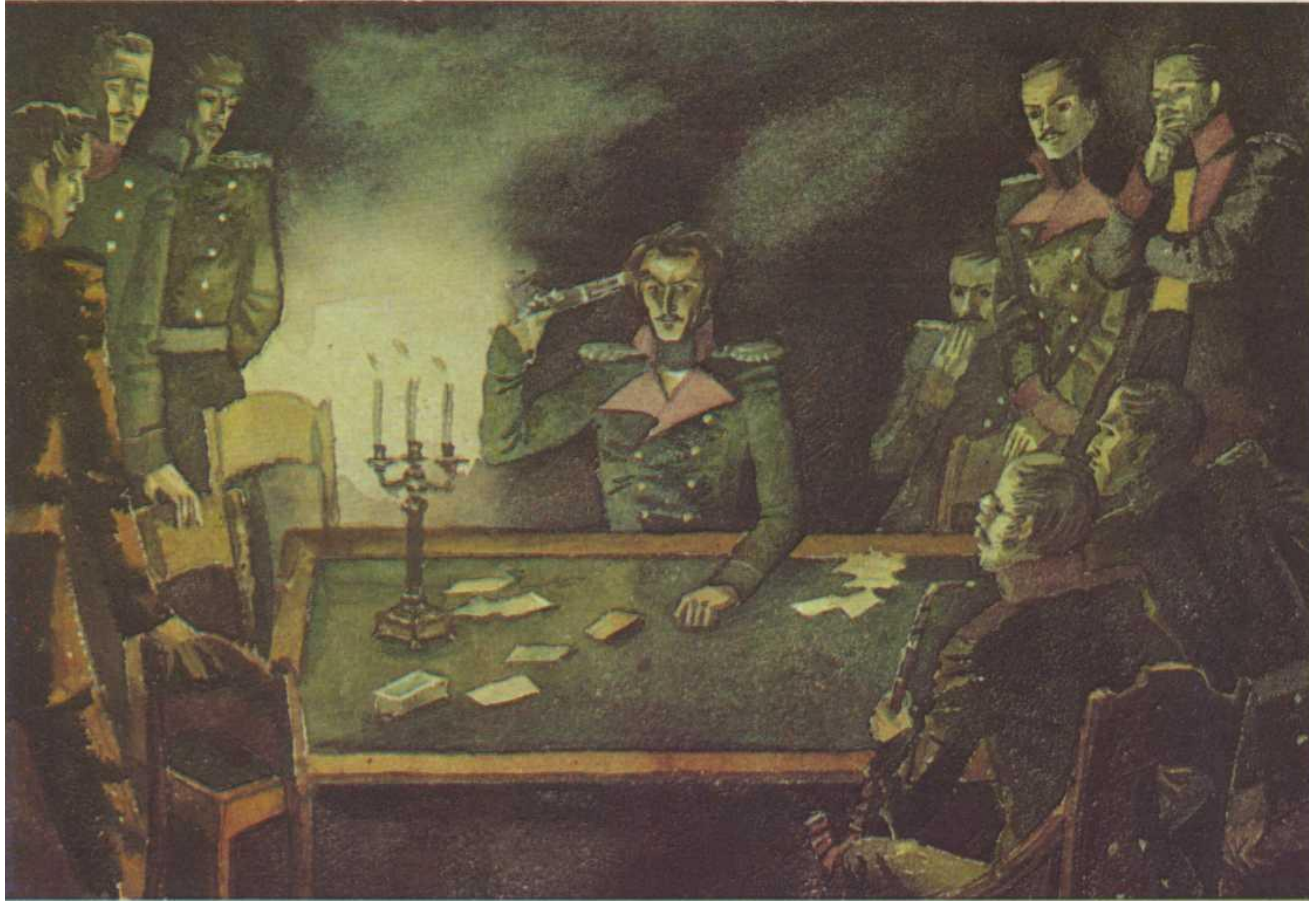
Художник М. Врубель.

Д.А. Шмаринов.
После дуэли.

знаком пригласил нас сест в кругом. молча повиновались ему. в эту минуту он приобрел над нами какую-то таинственную власть. Я пристально посмотрел ему в глаза; но он спокойным и неподвижным взором встретил мой испытующий взгляд, и бледные губы его улыбнулись; но, несмотря на его хладнокровие, мне казалось, я читал печать смерти на бледном лице его. Я замечал, и многие старые воины подтверждали мое замечание, что часто на лице человека, который должен умереть через несколько часов, есть какой-то странный отпечаток неизбежной судьбы, так что привычным глазам трудно ошибиться.

«Фаталист»

Фаталист. Художник К. Савицкий. 1891

**Фаталист. Кадр из фильма «Максим Максимыч».
Госкинопром Грузии. 1927**

- **Хронологическая последовательность фактов жизни Печорина:**
 - 1) по пути из Петербурга на Кавказ Печорин останавливается в Тамани **"Тамань"**;
 - 2) после участия в военной экспедиции Печорин едет на воды и живет в Пятигорске и Кисловодске, где убивает на дуэли Грушницкого **"Княжна Мери"**;
 - 3) за это Печорина высылают в крепость под начальство Максима Максимыча **"Бэла"**;
 - 4) из крепости Печорин отлучается на две недели в казачью станицу, где встречается с Вуличем **"Фаталист"**;
 - 5) через пять лет после этого Печорин, уже вышедший в отставку и поживший в Петербурге, едет в Персию и по дороге, во Владикавказе, встречается с Максимом Максимычем и автором **"Максим Максимыч"**;
 - 6) на обратном пути из Персии Печорин
- Лермонтов нарушает порядок повестей. В романе они следуют так:
 - «Бэла».
 - «Максим Максимыч».
 - «Тамань».
 - «Княжна Мэри».
 - «Фаталист».

1. Анализ характера Печорина

Равнодушный

Расчетливый

Жесткий

Изощренно-

изобретательный (ум) —

Печорин

Умный

Наблюдательный

Образованный

Честный

Искренний, если не играет

«Я никогда ничем очень не дорожу» (Дневник, 16 мая);

«Я давно живу не сердцем, а головою» (Дневник, 16 июня).

«Я хочу быть любимым... одной постоянной привязанности мне было бы довольно» (Дневник, 16 мая);

«Мне... приятно, что я могу плакать! Плакать здорово» (Дневник, 16 июня).

«Во мне два человека: один живет... другой мыслит и судит его»

**Для того чтобы осудить
эгоизм и черствость
Печорина, достаточно
было бы первых двух
глав, для того чтобы
понять этого героя,
понадобился весь роман.**